
Ю. Н. НАЗАРОВ

РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Термин «политика» в языке современной науки многозначен. Слово «политика», вошедшее во многие современные европейские языки, пришло из древнегреческой философской мысли, в которой оно обозначало все то, что относится к деятельности государства. В русском языке слово «политика» используется для обозначения различных сторон «политического» как сферы общественной жизни, отличаемой исследователями общества от сферы материальной и сферы духовной жизни.

В социально-философском аспекте «политическое» рассматривается, прежде всего, как особая разновидность общественных отношений. Современные исследователи различают несколько средств (и способов) изменения «политического»: мятеж, восстание, государственный переворот, революция и т. д. В социальных науках последних двух столетий под словом «революция», употребляемом без уточняющего определения, понимается, как правило, «политическая» революция¹. Из крупных революций такого рода историки традиционно называют «великие революции» прошлого – английскую времен Карла I и французскую 1789 года², а современные западные социологи – русские революции 1905–1907 гг. и 1917 г., Иранскую революцию 1905–1911 гг., Китайскую революцию 1949 г.³

¹ См.: Touraine, A. The idea of revolution // Theory, culture a. soc. – Cleveland, 1990. – Vol. 7. – № 2/3. – P. 121–123; Viroli, M. The revolution in the concept of politics // Polit. theory. – Beverly Hills; L., 1992. – Vol. 20 – № 3. – P. 474–476.

² См.: Philp, M. Representing the French Revolution // J. of hist, sociology. – Oxford; N. Y., 1993. – Vol. 6. – № 1. – P. 102–117; Tilly, Ch. European revolutions 1492–1992. – Oxford: Blackwell, 1995.

³ См.: Eisenstadt, S. N. Revolution and Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilization. – N. Y.; L., 1978; Skocpol, Th. States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia and China. – Cambridge, 1979; McDaniel, T. Autocracy, modernization, and revolution in Russia and Iran. – Princeton (N. J.), 1991; Шанин, Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. – М., 1997; Фроянов, И. Я. Октябрь семнадцатого. – М., 2002.

В современной западной социальной науке политическая революция чаще всего трактуется как переворот, изменяющий тип власти (форму правления) и не затрагивающий экономических основ общества⁴. Э. Гидденс, автор известного в западном мире учебника социологии, различая «революцию» («политические изменения») и «социальное движение», называет ряд условий, позволяющих считать те или иные политические изменения революцией: 1) в революции присутствует «*массовое социальное движение*»; 2) революция ведет к «*широкомасштабным реформам или изменениям*» и 3) «революция предполагает *угрозу насилия или его применение со стороны участников массового движения*»⁵.

От революции Гидденс отличает государственный переворот (coup d'etat)⁶, который, по его мнению, «вообще не может считаться революцией в строгом социологическом смысле», поскольку состоит в «простой смене одной группы лидеров на другую без какого-либо изменения политических институтов и системы власти»⁷.

В отечественной науке политическая революция никогда не сводилась к государственному (дворцовому, военному и т. п.) перевороту, содержание ее не ограничивалось перераспределением власти внутри правящего класса. В социально-философской теории марксизма рассматривалась политическая революция не как отдельное целое, но как *часть* более широкого по содержанию процесса – социальной революции. Философские и социологические словари включали статьи «Революция»⁸, «Революция социальная»⁹ и не имели статей «Революция политическая». Эта тенденция сохраняется и сегодня¹⁰. Статьи, посвященной политической революции, нет даже в новейшем энциклопедическом словаре «Политология». Политические революции в этом словаре рассматриваются

⁴ Stone, L. Theories of Revolution // World Politics. – Princeton, 1966. – Vol. 18. – № 2. – P. 159–176; Seegers, A. Theories of revolution: third generations after the eighties // Politicon. – Pretoria, 1992. – Vol. 19. – № 2. – P. 5–28.

⁵ Гидденс, Э. Социология. – М., 1999. – С. 568.

⁶ Государственный переворот французы называют coup d'etat, а немцы – Staatstreich.

⁷ Гидденс, Э. Цит. соч. – С. 568.

⁸ См.: Революция // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 550.

⁹ Революция социальная // Краткий словарь по философии. – М., 1966. – С. 248–250; Революция социальная // Краткий словарь по социологии. – М., 1988. – С. 280–281.

¹⁰ См.: Гобозов, И. А. Революция социальная // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М., 2004. – С. 722–723.

как существующие «в ряду социальных революций», где они занимают некое «особое место»¹¹.

Если слово «революция» стало достаточно широко употребляться в языке социальных наук лишь с конца XVII века¹², то понятие государственного переворота было выработано уже философской мыслью Древнего мира. Пятая книга «Политики» Аристотеля посвящена проблеме государственных переворотов. Греческий философ ставит перед собой задачу ответить на вопросы, «вследствие каких причин происходят государственные перевороты, сколько их и какого характера они бывают»¹³.

Уже в самом начале пятой книги Аристотель ставит задачу исследовать причины мятежей. В основе рассуждений Аристотеля лежит следующая «исходная точка зрения»: при создании большей части видов государственного устройства «царило общее согласие насчет того, что они опираются на право и предполагают относительное равенство»¹⁴. Но в понимании этого равенства допускалась ошибка.

Существующее в действительности относительное равенство люди принимают за абсолютное (например, при демократии), а относительное неравенство – за абсолютное (например, при олигархии). Поэтому в демократиях все притязают на «полное равноправие», а в олигархиях же на основе представления о неравенстве стремятся захватить больше прав, поскольку «в обладании большим и заключается неравенство»¹⁵. Такие представления граждан являются «первоисточниками внутренних междоусобиц», в ходе которых «зарождаются мятежи». Первоисточники внутренних междоусобиц философ усматривает в ошибочном понимании того «относительного равенства», которое люди положили в основание общего согласия, когда создавали большую часть видов государ-

¹¹ Революция // Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М., 1993. – С. 338.

¹² См.: Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978. – С. 20–21; Фурье, Ш. Заблуждение разума, доказанное смехотворными сторонами неопределенных наук // Фурье, Ш. Избр. соч.: в 4 т. / пер. с фр. – М. – Л., 1951. – Т. II. – С. 7–129.

¹³ Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. – М., 1975–1984. – Т. 4. – С. 526.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ственного устройства. Поскольку граждане, исходящие из своих предпосылок, приходят к выводу, что «раз они не получают своей доли в государственном управлении, поднимают мятеж»¹⁶.

В отечественной социальной философии и сегодня многие исследователи термином «революция» обозначают в первую очередь коренные политические изменения. При этом марксисты, говоря о «новых» элементах общества, возникающих в ходе революции, подчеркивают особо то обстоятельство, что власть переходит из рук отживающих общественных сил в руки нового класса. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса, – писал В. И. Ленин, – есть первый, главный, основной признак **революции** как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»¹⁷.

Значение завоевания государственной власти в ходе революции, важность борьбы за нее достаточно основательно исследованы в отечественной и зарубежной социально-философской и политологической литературе¹⁸. Авторы многочисленных современных концепций социально-политического изменения рассматривают те или иные факторы, определяющие, по их мнению, характер бунтов, мятежей, государственных переворотов¹⁹. В исследовании проблем революционного процесса можно различить три основных направления. Первое направление – историко-натуралистическое. Представители его (К. Бринтон, Л. Эдвардс, Дж. Питти и др.)²⁰ стремятся выявить общие закономерности революционного процесса, анализируя особенности массового поведения и коллективного насилия на разных этапах революции. Второе направление – социально-

¹⁶ Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. – М., 1975–1984. – Т. 4. – С. 527.

¹⁷ Ленин, В. И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 133.

¹⁸ См.: Олех, Л. Г. Общее и особенное в революционном процессе современности. – М., 1982; Ланцов, С. А. Социальные революции и общественный прогресс. – Л., 1991; Tilly, Ch. From mobilization to revolution. – Addison Wesley, 1978; Bauman, Z. A Revolution in the Theory Revolutions? // International Political Science Review. – 1994. – Vol. 14. – № 1. – P. 15–17.

¹⁹ См.: Rittberger, V. Über socialwissenschaftliche Theorien der Revolution: Kritik und Versuch eines Neuansatzes // Politische Vierteljahresschrift. – Wiesbaden, 1971. – Bd. 12. – H. 1. – S. 429–529; Jones, A. Towards a new structural theory of revolution: universalism and community in the French and Russian revolution // Engl. hist. rev. – Essex, 1992. – Vol. 107. – № 425. – P. 862–865.

²⁰ Brinton, C. The Anatomy of Revolution. – N. Y., 1952; Edwards, L. P. The Natural History of Revolution. – Chicago, 1972; Peetty, G. The Process Revolutions // Why Theory? Theories and Analysis. – Cambridge, 1971. – P. 18–35; Baechler, J. Revolutions. – Oxford: Blackwell, 1976.

психологическое (Ч. Элвуд, П. Сорокин, Т. Гёрр, Ч. Тилли и др.)²¹. Для него характерно обращение к психологическим теориям, которые могут помочь в объяснении мотивов, побуждающих людей к участию в актах политического насилия или в оппозиционных движениях. Третье направление можно назвать социолого-политологическим (Р. Дарендорф, Ч. Джонсон, Б. Джессоп, Дж. Дэвис, Ю. Каминка, Т. Скокпол, А. Турен, М. Хагопиан, С. Эйзенштадт и др.)²². Представителям этого направления присущ интерес к изменениям политико-правовой сферы, а также к исследованию экономических и идеологических факторов, которые ведут к революции.

Одним из важных элементов различных теорий революции является вопрос о предпосылках и причинах политических переворотов. Характерный ответ на этот вопрос предложен П. Сорокиным в книге, которая, по признанию самого автора, написана с большим «бихевиористским пафосом»²³. Основное содержание революции Сорокин усматривает в поведении людей, обремененных в первую очередь биологическими потребностями. Понимая под причинами восстаний и войн «комплекс условий, связь событий, обрамленных в причинную цепочку, начало которой теряется в вечности прошлого, а конец – в бесконечности будущего», Сорокин подчеркивает, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было *увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения*, а также невозможность даже минимального их удовлетворения»²⁴.

Подавление инстинктов, по мнению Сорокина, приводит к тому, что «человеческое поведение отныне развивается по биологическим законам»²⁵. Подчеркивая «громкую роль» голода в чело-

²¹ Ellwood, Ch. A. A psychological theory of revolution // *The Amer. J. Sociol.* 1905/1906. – Vol. 11. – № 1. – P. 51–58; Gurr, T. R. *Psychological Factors in Civil Violence* // *World Politics*. – Princeton, 1968. – V. 20. – № 2. – P. 245–278; Tilly, Ch. *Revolutions and Collective Violence* // *Handbook for Political Science* / Greenstein, F. I., Polsby (eds.). – Reading, 1975. – V. 3. – P. 483–555.

²² Johnson, Ch. *Revolution and the Social System*. – Stanford, 1964; Kamenka, E. *The Concept of a Political Revolution* // *A World in Revolution* / Kamenka, E. (ed.). – Canberra, 1970. – P. 122–138; Dahrendorf, R. *Über einige Probleme der soziologischen Theorie der Revolution* // *Arch. europ. de sociologie*. – P., 2001. – T. 42. – № 1. – S. 66–75.

²³ Sorokin, P. *The sociology of revolution*. – Philadelphia, 1925.

²⁴ Сорокин, П. А. *Социология революции* // П. А. Сорокин. *Человек. Цивилизация. Общество*. – М., 1992. – С. 272.

²⁵ Там же. – С. 274.

веческой истории, Сорокин приводит множество примеров (античные Афины и Спарта, Англия XIII в., Жакерия и т. д.) того, как «подавление пищеварительного инстинкта» провоцирует «революционную ситуацию»²⁶.

Даже если учесть то обстоятельство, что Сорокин ведет речь преимущественно о политических сторонах революций (восстания, войны) и начинает их анализ с «причин, порождающих революционные отклонения в поведении людей», следует признать, что увлечение известного русско-американского социолога модным в 1920-е годы бихевиоризмом привело к чрезмерному сужению содержания предложенной им концепции «всяких» революций. Так, анализ экономических целей различных субъектов революционного процесса, а также идеологических компонентов борьбы отдельных социальных групп и их лидеров за государственную власть оказался, по существу, за пределами «социологии революции».

Более широкий по социальному содержанию перечень причин, приводящих общество к революции, дает П. Н. Миллюков в работе, посвященной анализу Октябрьской революции: «Революции, – пишет он, – становятся неизбежны, когда имеется налицо несколько условий, совпадающих по времени»: 1) «когда ощущается массой настоятельная потребность в крупной политической или социальной реформе», 2) «когда власть противится мирному разрешению этой назревшей потребности», 3) когда «в силу внутренней смуты, культурных перемен или внешней военной неудачи эта власть теряет способность принудительно действовать» и 4) «когда не только перестают бояться власти, но начинают даже презирать ее и открыто смеяться над нею»²⁷.

В отечественной науке советского периода наибольшую известность получила ленинская трактовка причин возникновения революции. Введенное В. И. Лениным в научный обиход понятие «революционная ситуация» охватывает совокупность объективных условий, выражающих социально-экономический кризис данного общества и определяющих возможность политического переворота.

²⁶ Сорокин, П. А. Указ соч. – С. 275.

²⁷ Миллюков, П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. – Париж, 1927. – С. 1.

Революционная ситуация, по Ленину, характеризуется следующими признаками: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; 2) обострение, выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими верхами к самостоятельному историческому выступлению²⁸.

Противопоставление революции как во всех отношениях позитивного социального феномена и контрреволюции как заведомо и во всех отношениях негативного явления²⁹, особенно характерное для революционистской идеологии XX в., постепенно преодолевается как теоретическим, так и обыденным сознанием. Многие факты исторического развития не раз подводили мыслителей к заключению, что не все навязываемое людям является полезным (или прогрессивным) и не все уничтожаемое – вредным (или регрессивным). Признавая справедливость слов Р. Арона в отношении революции («бессмысленно принципиальное осуждение или принципиальное восхваление революции»³⁰), следует распространить их и на контрреволюцию.

Соображения, высказанные по вопросу соотношения революции и контрреволюции, подводят нас еще к одному элементу теории политической революции – проблеме социальной реформы. Реформа, согласно Ленину, это «отдельные улучшения политического и экономического положения»³¹. Одни реформы способствуют предотвращению политических переворотов, другие подталкивают общество к революции. «Всякая реформа что-нибудь меняет, – иронически замечает Р. Арон. – Революция как будто может изменить все, тем более, когда неизвестно, что, собственно, она должна изменить»³². Если политическая революция выступает в историческом развитии средством решения коренных вопросов государственно-правового устройства, если она совершается вопреки дей-

²⁸ См.: Ленин, В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 218–219.

²⁹ См.: Шадрин, Э. И. Революция и контрреволюция // О революции и контрреволюции. – Ярославль, 1976. – С. 5.

³⁰ Арон, Р. Опиум для интеллигенции. – Мюнхен, 1960. – С. 34.

³¹ Ленин, В. И. Съезд итальянских социалистов // Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 407.

³² Арон, Р. Цит. соч. – С. 37.

ствующему праву, то реформа является юридически законным, легальным и легитимным средством решения частных социальных вопросов.

Рассмотрим в связи с этим характерные суждения, содержащиеся в коллективном научном труде: «Революция – когда большинство населения пришло в движение и требует коренных перемен. Реформа – когда этих предпосылок нет, когда развитие идет эволюционным путем»³³. Оба эти положения требуют нескольких уточнений. Во-первых, к слову «революция» необходимо добавить определение «политическая». Во-вторых, даже для политической революции, не говоря уже о революции научной или технической, вовсе не требуется участия большинства населения. В-третьих, если мы хотим терминологически обозначить явление, противоположное революции (качественному восходящему изменению), то конструктивнее воспользоваться словом «эволюция», придав ему значение «количественные восходящие изменения». В-четвертых, словом «реформа» как практические политики, так и историки-теоретики в силу определенной традиции или идеологической установки называют иногда качественное восходящее изменение в экономической или политической области, осуществленное «сверху» на основе принятого закона.

Социально-революционный процесс включает в себя бунты и восстания, дворцовые перевороты и социальные реформы. Иногда сущность революции (например, экономической) «являет» себя миру той или иной «реформой», но самые радикальные реформы не заменяют и не подменяют собой политического переворота, в ходе которого происходит смена субъектов государственной власти. В России «великая реформа» 1861 г. (отмена крепостничества) была направлена на решение задач назревающей в условиях феодального общества экономической революции буржуазии. Эта реформа была «революционным» деянием «реакционного» царского правительства, которое нашло в себе силы, пусть и с большим опозданием, предоставить основной массе российского населения возможность участия в капиталистической индустриализации страны. «Под давлением военного поражения, страшных финансо-

³³ Марксистско-ленинская теория социального развития. – М., 1978. – С. 137.

вых поражений и грозных возмущений крестьян правительство, – писал Ленин, – прямо-таки *вынуждено* было освободить их»³⁴. Вместе с тем эта реформа не привела к коренному изменению отношений собственности, что подвигло российскую буржуазию на активное участие в политической революции 1905–1907 гг. и в политической революции Февраля 1917 г.

Многие зарубежные социологи и политологи, говоря о государственном перевороте или революции, подчеркивают их насильственный характер. Если передача власти совершалась без насилия, в условиях свободных выборов, то, по мнению К. Бринтона, ее нельзя считать революцией. Такие изменения являются частью «нормального» политического развития страны. Революция, считает он, означает нелегальное и, как правило, насильственное изменение существующей формы правления, оказывающее в отличие от верхушечного переворота воздействие на жизнь самых обыкновенных граждан³⁵.

Рассмотрим одну из характерных для западной политологии концепций революции, изложенную Ханной Арендт. Согласно Арендт, революция есть путь к свободе (освобождению человека). Разграничивая понятия «свобода личности» (возможность наиболее полного самовыражения индивида) и «либерализация» (смягчение условий социального бытия индивидов), Арендт утверждает, что революция как путь к свободе – это явление лишь Нового времени. Первыми революциями, поднявшими знамя вольности, были североамериканская и французская революции конца XVIII столетия.

Х. Арендт считает насилие неотъемлемой стороной революции, ее существенной характеристикой. В этом вопросе она следует за Марксом, Энгельсом, Бакуниным, Лениным и многими другими теоретиками и практиками революционного дела. Насилие, писал Энгельс, играет в истории революционную роль, «оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»³⁶.

Наряду с идеей свободы концепция революции Арендт содержит также старые идеи «новизны» революции и революционного

³⁴ Ленин, В. И. Капитализм в сельском хозяйстве // Полн. собр. соч. – Т. 4. – С. 430.

³⁵ Brinton, C. The anatomy of revolution. – P. 4.

³⁶ Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 20. – С. 189.

«насилия». Решающим фактором для характеристики той или иной революции современной эпохи, по ее мнению, является степень соответствия новизны революционных преобразований общества декларируемой ею абстрактной «идее свободы»³⁷. О реальных экономических, политических и социально-бытовых характеристиках бытия человека в современном мире Арндт ничего определенного не говорит, пребывая в области известных либерально-демократических абстракций. Понятие «нового» в развитии общества, которое должно быть достигнуто в ходе революции, Арндт также не конкретизирует. Свобода и «новые начала» в общественной жизни, утверждает она, не только не могут быть достигнуты без борьбы, но, более того, они могут быть достигнуты лишь посредством целенаправленного насилия.

Многие социально-политические мыслители на протяжении двух последних столетий говорили о свободе и правах человека. Вспомним, например, В. С. Соловьева, который отмечал «две стороны французской революции – провозглашение человеческих прав сначала, а затем неслыханное систематическое попираание всех таких прав революционными властями»³⁸. Он не рассматривал специально вопроса о том, что представляют собой нарушенные революцией «естественные права» и кто мог предоставить их человеку. Если такие права, скажем право на жизнь, предоставлены человеку Богом, как нам расценивать многочисленные в истории казни, убийства? Ведь людей казнили, убивали во все времена, нередко оправдывая эти действия ссылками на Священное Писание. Если же считать, что такие права предоставляются человеку неким Учреждением или «оговариваются» Договором, то приходится признать, что любые права нетрудно отобрать, создавая новое Учреждение или «заключая» новый Договор.

В. С. Соловьев не задавался вопросом, было ли французское попираание человеческих прав уникальным случаем в истории. Отрицательный ответ на этот вопрос подразумевается у философа сам собой. Походя, в скобках, Соловьев замечал, что были «и у нас, например, бесчисленные жертвы Ивана IV»³⁹. О числе жертв Вар-

³⁷ Arendt, H. On revolution. – N. Y., 1963. – P. 21–22.

³⁸ Соловьев, В. С. Идея человечества у Августа Конта // Соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 564.

³⁹ Там же. – С. 566.

фоломеевской ночи, о жертвах нереволуционной эпохи короля Генриха VIII русский философ почему-то не счел нужным упомянуть. Но разве не было жертв в эпоху нидерландской и английской революций? Как можно вообще обойтись без жертв, если приходится подавлять сопротивление политических противников, если решается вопрос: «быть или не быть» государству?

Важным элементом теории революции является вопрос о двух противоположных способах осуществления политического переворота – мирном или немирном. В отечественной науке этот вопрос получил название вопроса о «пути революции».

Сторонники мирного пути политической революции нередко ссылаются на античных мыслителей – проповедников идеи «революции ненасилия». Так, например, Солон, афинский законодатель, провозглашал: «Хочу черпать силу не в насилии тирана, но лишь в справедливости». Прочную теоретическую опору для сторонников идеи ненасильственного преобразования социальных порядков составляют глубокие мысли Платона, вложенные им в уста Сократа: «И на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит Государство и Отечество, или же стараться переубедить его и объяснить, в чем состоит справедливость»; «учинять же насилие... нечестиво»⁴⁰. «Революция ненасилия», замечают современные историки философии, «не только теоретически обоснованная, но и фактом смерти превращенная Сократом в завоевание под знаком вечности, немеркнущим светом выделяет его имя»⁴¹.

По примеру Сократа, считают сторонники «революции ненасилия», люди в условиях современной демократии могут «легальным» путем завоевать потребные им социальные свободы и личные права. Так, Карл Ясперс, рассуждая о возможностях мирного развития политического процесса в Германии середины прошлого столетия, писал: «...под легальной революцией я подразумеваю действия без насилия, без применения оружия, действия, в которых используются средства, не запрещенные Основным законом. Легальная революция – это процесс, в котором народ своей волей и

⁴⁰ Платон. Критон // Соч.: в 3 т. – М., 1968–1972. – Т. 1. – С. 126.

⁴¹ Реале, Дж., Антисери, А. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. – СПб., 1994. – С. 68.

мышлением добивается признания и участия, осознания обстановки истинной судьбы и истинного риска»⁴².

С характеристикой политической революции как насильственного переворота тесно связана и другая ее характеристика – как противозаконного, нелегального действия. Последний признак революции подчеркнут, как можно было видеть, в гиденсовском ее определении. На признак «незаконности» как отличительную особенность политической революции указывают также американские исследователи Р. Тантер и М. Мидларски. «Революция, – пишут они, – есть событие, в ходе которого восставшая группа бросает незаконный вызов правящей элите, вступая с ней в борьбу за политическое господство»⁴³.

Современный теоретический анализ революции не может обойтись без рассмотрения вопроса о соотношении понятий «политическая революция» и «социальная революция». Одни отечественные исследователи обосновывают точку зрения о том, что в XIX в. существовало будто бы противопоставление социальной революции революции политической. Большие усилия для обоснования этой точки зрения приложил Р. Н. Блюм. По его мнению, «вместе с возникновением и первыми шагами теории революции появилось и противопоставление двух видов революционных преобразований: политического и социального, и, как выражение этого противопоставления, две концепции, которые мы (то есть Блюм. – Ю. Н.) называем политической и социальной концепциями революции»⁴⁴.

На наш взгляд, дело обстоит иначе. Названных Блюмом двух концепций революции не существовало. В конце XVIII – начале XIX в. европейские мыслители широко пользовались словом «революция» уже не только в политическом смысле. Так, Сен-Симон, размышляя о социальной эволюции французского общества, предшествовавшей Великой революции, а также о последствиях крушения монархии, писал: «Переворот в политической системе произойдет по той единственной причине, что состояние общества, которому соответствовал старый политический строй, совершенно

⁴² Ясперс, К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. – М., 1969. – С. 173.

⁴³ Tanter, R., Midlarsky, M. Theory of revolution // The Journal Conflict Resolute. – 1967. – Vol. 11. – № 3. – P. 267.

⁴⁴ Блюм, Р. Н. Проблема политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли // Проблемы теории социальной революции. – М., 1976. – С. 14.

изменилось по существу. Гражданская и моральная революция, которая совершалась постепенно в течение шести столетий, породила и сделала неизбежной революцию политическую; это как нельзя более соответствовало природе вещей»⁴⁵. Это высказывание Сен-Симона, в чем нетрудно убедиться, свидетельствует о том, что современники французской политической революции 1789–1794 гг., отличали от нее экономическую («гражданскую») и духовную («моральную») стороны общественного переворота, совершавшегося на протяжении столетий и постепенно изменявшего все французское общество. Вместе с тем социальные мыслители позднейших времен, исходя из различных мировоззренческих установок, а революционеры-практики – из конкретных задач собственной политической борьбы, подчеркивали преимущественно политические аспекты Французской революции, оставляя в стороне рассмотрение ее социальных последствий.

Решение вопроса о способе властвования (управления) непосредственно связано с вопросом о том, кто станет собственником средств производства. Так, характеризуя деятельность древнегреческого политика Солон, Ф. Энгельс писал, что Солон «открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой. Во время Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников»⁴⁶.

Вопрос о государственной власти, о переходе ее к революционным силам является коренным вопросом всякой политической и, следовательно, социальной революции в целом, ибо решение вопроса о власти есть вместе с тем и решение вопроса о форме собственности. Борьба за власть включает в себя, таким образом, ос-

⁴⁵ Сен-Симон, А. де. О промышленной системе // Избр. произв.: в 2 т. – Т. 2. – М. – Л., 1948. – С. 39.

⁴⁶ Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 21. – С. 115.

новное содержание всей социально-политической деятельности, субъектами которой выступают классы, организующиеся в партии и вырабатывающие свою политическую идеологию. Задача классов и представляющих их организаций в политической революции состоит в том, чтобы обеспечить условия для осуществления своих экономических интересов.

Поскольку завоевание политической власти является важнейшим средством решения экономической задачи социальной революции, средством достижения социально-экономического господства – главной цели, к которой стремятся борющиеся классы, постольку перевороты в социально-экономической и политической областях теснейшим образом переплетаются. Характеризуя социальную революцию эпохи перехода от капитализма к социализму, В. И. Ленин писал, что «основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»⁴⁷. Завоевание политической власти не самоцель, а средство политического и юридического закрепления новых экономических отношений. Это означает, что сфера действия политической революции не ограничивается государственной надстройкой, что политическая революция не заканчивается сменой классов у власти. Раз сама эта смена осуществляется ради новой формы собственности, то в содержание политической революции должно включаться и юридическое, законодательное оформление новых экономических отношений, которые дают простор развитию производительных сил и требуют особого периода для утверждения фактического господства новых экономических отношений – периода экономической революции. Отмечая различия временных рамок и скорости протекания политического и экономического переворота на примере социальной революции пролетариата в России, В. И. Ленин говорил в 1921 году: «На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма длинные. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути, чтобы их перевернуть»⁴⁸.

⁴⁷ Ленин, В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. – Т. 6. – С. 46.

⁴⁸ Ленин, В. И. IX Всероссийский съезд Советов // Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 326.

Исторический процесс, содержание которого составляет взаимодействие различных общественных сил, включает в себя как объективные, так и субъективные компоненты. Осуществление всякой политической революции необходимо предполагает наличие определенного взаимодействия объективных и субъективных факторов социально-революционного процесса. Объективным условием политической революции является уже наличие социально-классового движения, которое постоянно присутствует в самом процессе экономического развития, движущими силами которого являются социальные группы, общественные классы, занимающие определенное положение в системе материального производства и имеющие то или иное отношение к господствующей форме собственности.

Политическая революция является необходимым условием коренного изменения отношений собственности, то есть экономической революции – заключительного этапа переворота в способе производства, представляющего собой качественное преобразование всей системы общественного производства и управления на базе новых отношений собственности. Поскольку политическая власть является важнейшим средством удовлетворения социально-экономических интересов борющихся классов, важнейшим средством достижения социально-экономического господства – главной цели, к которой они стремятся, то перевороты в технико-экономической и политической областях теснейшим образом переплетаются.

Завоевание политической власти открывает дорогу радикальным преобразованиям в основных сферах общественной жизни, а они, в свою очередь, делают устойчивой новую политическую власть. Люди, преобразующие экономику и политику, вместе с тем преобразуют и самих себя, формируя новое самосознание и мировоззрение. Новое общественное мировоззрение постепенно становится общей установкой деятельности различных социальных групп, стремящихся к устройению нового порядка жизни.